

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ



В. БЕЛОВ

ПИСАТЕЛЬСКОЙ организации Вологды — полтора года. Наши поэты, прозаики и критики, как и вся армия советских писателей, руководствовались в своей работе главной линией развития литературы и искусства, четко определенной Программой партии, где сказано, что литература и искусство должны укреплять свою связь с жизнью народа, правдиво и высокохудожественно отображать богатство и многообразие социалистической действительности, вдохновенно и ярко воспроизводить новое, подлинно коммунистическое, обличать все то, что противодействует движению общества вперед.

Творчество вологодских поэтов и прозаиков уходит корнями в родную почву неповторимого по красоте и самобытности исконно русского края, сохранившего своеобразие и в укладе народной жизни, и в облике природы и характера человека.

Нет, не местничество я имею в виду, говоря это, а благоприятнейшую возможность создавать на местном материале произведения всеобщего звучания. И не надо бояться областной ограниченности: настоящее художественное произведение всегда отмечено конкретным колоритом, который сам по себе уже составляет неповторимую прелесть, а произведению придает достоверность и жизненную правдивость. Достаточно вспомнить «Тихий Дон» М. Шолохова, чтобы убедиться в этом.

СЛЕДУЕТ заметить, что некоторые писатели вологодского края по причинам, не зависящим от них, долгое время не могли плодотворно трудиться, не имели условий для творческой работы.

Литературная судьба поэта А. Сухарева сложилась так, что продолжительное время он был лишен возможности писать и расти творчески. А между тем входил он в молодую советскую поэзию как многообещающий талантливый поэт. Об этом свидетельствует и первая его книжка «На подступах», изданная в 1932 году, когда Сухареву было всего двадцать лет, и критика тех времен.

Вторую свою книжку, вышедшую в Москве после реабилитации поэта (через 28 лет после первой), Сухарев сим-

Навстречу II съезду писателей РСФСР

НЕРАСЩЕПЛЕННОЕ Я Д Р О

Сергей ВИКУЛОВ

волично назвал «Опять весна». Да, это была вторая весна, второе рождение поэта. Он сумел запечатлеть не только весну своей души, но в какой-то мере и всей страны, в ту пору решительно освобождавшейся от последствий культа личности.

Совсем недавно в Вологде вышла четвертая книжка А. Сухарева «Пульс». Мы еще раз убедились, что он умеет, что называется, мастерски складывать строчки, о чем свидетельствуют такие стихи, как «Московское время», «Ностер», «Возвращение», «Кружева», «Болотная ягода». Но мне думается, что поэтический голос А. Сухарева испытывает и до сих пор инерцию того времени, когда лира поэтов звучала далеко не всеми струнами, а если и звучала, то, как правило, в одном ключе, ей не хватало глубинных проникновений в жизнь, раздумий «о времени и о себе». Сухарев едва приоткрыл себя как человека, поэта — современника событий и героических, и трагических. Небольшая поэма «Любовь бригадира», отрывок из поэмы «Землекопы» и многие его стихотворения наводят на мысль, что эпический жанр более близок таланту автора.

Посмотрите, например, как естествен диалог, как непринужденно повествовательная интонация «Землекопов»:

...А там строители с утра
на дождик смотрят праздно.
— Ну, как живете, мастера?
И отвечают разное.
Сначала каменистик-мастик,
который прозван Батей:
— Да поменьше!
— Что же так?
— А что надольше хватит!
Другой:
— Живем не пышно,
зато далеко слышно!
И третий:
— Знамо, как живем,
не хлеб а пряники жуем!
И кто-то:
— Кверху головой!
И кто-то:
— Лучшее всех!
Потом маляр, шутник седой,
сказал под общий смех:
— Гораздо, брат, непрянно,
а негораздо дрянно,
а говоря короче,
записывай, как факт:
живем не так, чтоб очень,
не очень, чтобы так...

Как видите, поэт использует народный юмор, шутку и этим достигает художественной убедительности изображения. Какой поэмы можно ждать от Сухарева, если он, поняв свои слабости, попробует вторгнуться в область сердца, неподкупного, умудренного годами!

АЛЕКСАНДР Романов в 1961 году выступил с третьей книжкой стихов. Я беру на себя смелость утверждать, что сборник «Сыновья любви», будь он представлен всеобщему читателю, мог бы победно поспорить со многими книжками современных «шумных» поэтов.

За что я люблю поэзию Романова? За его приверженность к человеку труда, как у нас принято говорить, к «простому человеку». Только нет, не простой это человек, потому что дело его не просто — творить своим трудом все прекрасное на земле. Поэт любит себя его руками:

Не холены в тепле.
Работа не легка им.
Досталась на земле.
Они и землю пашут,
И даль миров иных,
И вся Держава наша
Покоится на них.

Поэт с гордостью подчеркивает свою принадлежность к «селу лесному», к труженикам полей, и эта общность с народом придает ему силу.

Надо искренне любить народ — тружеников безвестных, чтобы написать такие строчки о «героях еще не написанных книг», отдыхающих в Доме крестьянина:

В дороге пробыв спозаранку,
Шоферы устали спать,
Порою, как вновь за баранкой,
Руками во сне шевелят.
А рядом, наверное, плотник:
(Не стращаю стружка с волос)
Выпять, де работы охотник:
Заснулось — как лечь привелось...

Это сильно, по-некрасовски! И очень жаль, что тот, кому «заснулось — как лечь привелось», не знает стихов своего поэта. 3 000 экземпляров — таков тираж книги. Это очень мало.

Вообще над тиражами и распространением книг надо думать и думать. Высказывалась как-то мысль, что надо вернуться к дешевым, копеечным изданиям для массового читателя деревни. По моему, это правильно.

РАЗГОВОР о прозаиках мне хочется начать с самого молодого — Василия Белова, студента 4-го курса Литературного института имени Горького.

Начал он как поэт. Издал книжку стихов «Деревенка моя лесная», которая является признаком несомненно-го дарования и художественной правдивости. Искренний, идущий от глубины души голос поэта неповторим, не похож на другие голоса. Не случайно сказано, что в литературном творчестве, дабы быть оригинальным, надо быть самим собой. Истинный талант постигает

это интуитивно, как это и случилось с В. Беловым, не только в стихах, но еще в большей мере в прозе.

Первая небольшая повесть В. Белова — «Деревня Бердяйка». Вслед за нею появились рассказы. Среди вологодских прозаиков Белов выделяется густым, сочным письмом. Но радует он и писательской зоркостью. Белов хорошо чувствует свой край, всеми корнями он здесь, и в этом сила его как писателя. Еще более важно то, что В. Белов идет к читателю со своей, выстраданной темой. Он умеет сказать о великой любви своей к простому человеку нашей северной деревни, сказать без крика, без бичения себя в грудь. Писатель как бы приподнимает своего героя на пьедестал: вот он какой — глядите! Велик в своей красоте, как жизнь сама! Вот эта гуманность — главное в творчестве молодого прозаика.

ПОСТОЯННО живет в одном из районов области Николай Угловский. Он работает в местной газете, хорошо знает деревню и ее людей.

В повести «У нас на Севере» Угловский одним из первых запечатлел события, происходившие в деревне после памятного всем сентябрьского Пленума ЦК КПСС, пленума, на котором партия, смело разоблачив ошибки в руководстве сельским хозяйством, приняла решительные меры к их исправлению.

Угловскому удалось создать запоминающийся образ передового председателя колхоза, разоблачить негодную практику командования, мелочную опеку и нажим на колхозы со стороны районного руководства.

Заслуживает внимания и новая повесть Н. Угловского «Подруги», в которой писатель ставит насущнейшую проблему для наших колхозов — проблему привлечения и закрепления в деревне молодежи, тех, в чьи руки будет вверена земля в ближайшие годы.

Правда, произведение это не лишено недостатков. Похожи они на те, о

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ



С. ВИКУЛОВ

Рисунки художников В. Коробкова, Н. Железняк и О. Гороздина.

которых говорилось на XXII съезде КПСС: недостаток правды жизни.

Да, не все в нашей жизни обстоит так, как нам хотелось бы. И это естественно: общество наше развивается, страна строит коммунизм. Движение вперед бесспорно. Но оно было бы еще стремительнее, если бы не существовало людей и явлений, мешающих этому движению.

Образно я это представляю так. Каменщик кладет стену. Он весь отдавался работе, он хочет скорее увидеть дом, в котором ему жить. А рядом путается какой-то бездельник: он то подтолкнет каменщика и тот едва не уронит кирпич, то наступит на то место, куда ему надо положить раствор. Стена, конечно, растет, и во весь рост виден строитель — он главная фигура в этой картине, но нельзя не заметить и того, кто мешает. Надо взять его за шиворот и сбросить со строительных лесов! Сбросить, а не ныть: вот, мол, ничего у нас не получается, поскольку есть еще такие люди, явления.

Н. Угловский, конечно, не относится к нытикам и паникерам. Но он излишне деликатен, когда надо кого-то взять «за ушко». В этом-то как раз и проявляется недосказанность, неполнота изображения жизненных процессов. Творчеству Угловского присущ и еще один недостаток — отсутствие широты взгляда, а точнее — исторической обусловленности, мотивировки поступков людей и явлений, отчего характеры получают недостаточную убедительность. Писатель вырывает из жизненной среды своих героев и рассматривает их как бы обособленно, как рыбок в аквариуме, забывая о море, в котором, может быть, и та же вода, но она живая — кипит, штормует, пенится.

Разумеется, видеть и понимать море труднее, чем рыбок, выловленных из него, но именно в этом достоинство серьезного писателя!

В ОЛОГДСКАЯ земля тянет к себе своих сыновей — писателей. Два года назад из Архангельска к себе на родину вернулся И. Полуянов. Из Таллина переезжает к нам талантливый поэт Анатолий Гусев.

И. Полуянов хорошо знает и любит наш северный край, его природу. Он страстный охотник и рыбак, не только умеет выстрелить, но и взглянуть острым глазом следопыта на окружающий его мир, который всегда полон загадок и открытий. Заманчивое и, я бы сказал, приятное занятие!

И юные читатели, да и не только юные, благодаря автору книг «Лесной теремок», «Лесная почта» и других сочтут за удовольствие пройтись вместе с писателем-следопытом по звериным тропкам, послушать голоса зверей и птиц, пронаблюдать жизнь растений.

В этом И. Полуянов похож на другого нашего следопыта — Виталия Гарновского.

В отличие от И. Полуянова В. Гарновский пишет в основном для взрослых и о взрослых. Написал он немало, но беда его, мне кажется, в том, что люди у него поданы не как типы, характеры, а чаще всего как подставные лица, задача которых выговориться, донести ту или иную авторскую идею до читателя. Встретились, поговорили —

разошлись. Такими рассказами особенно «грешили» первые книги Гарновского.

В СЕСОЮЗНОМУ читателю известен автор книг о творчестве М. А. Шолохова — критик и литературовед В. Гура. И сейчас продолжает он исследования творчества М. Шолохова. В 1962 году у В. Гура в соавторстве с Ф. Абрамовым в Учпедгизе вышло второе, дополненное издание книги «М. А. Шолохов. Семинарий». Вслед за этим написал и издал в Детгизе критико-биографический очерк о творчестве известного писателя Евгения Пермяка.

Работая над монографией «Шолохов и пути развития советского романа», В. Гура находит время высказываться и по некоторым другим вопросам литературного процесса. И все же мне хочется упрекнуть талантливого литературоведа за недостаточное внимание к молодым критикам. Они у нас есть, но, поскольку не находят поддержки, растут очень медленно.

Д ВЕРИ нашей писательской организации широко распахнуты для талантливой молодежи.

Полтора года — срок небольшой, и вырастить за это время зрелых писателей, конечно, невозможно. И все-таки наиболее одаренные молодые поэты и прозаики заметно повзрослели за это время.

Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать имена молодых поэтов и прозаиков В. Коротаева, А. Каютиной, Б. Чулкова, Н. Матвеева, В. Амосова, Б. Ромодина, Н. Задумкина, А. Сушинова и других.

П РОИЗВЕДЕНИЯ вологодских литераторов печатаются на страницах центральных журналов, вещаются по всесоюзному радио.

Книги наших писателей публикуются в издательствах «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Советская Россия», Детгиз.

И все-таки сделано нами далеко не все, что мы могли бы сделать.

Мы до сих пор — вырастали в своих рядах ни одного драматурга. А как нужна нам своя пьеса, которую давно ждет наш областной театр. Следует вспомнить и о том, что до недавнего времени у нас не было и песен, созданных нашими поэтами и композиторами. Но стоило от пожеланий перейти к делу — вместе с Домом народного творчества провести первый, а затем второй и третий конкурсы на лучшую песню, — как появились и поэты-песенники, и композиторы.

Нужно объявить конкурс на лучшую пьесу, для начала, может быть, однуактную. Хочется еще раз подчеркнуть, что открытые отделения Союза писателей сыграло положительную роль в творческой жизни писателей Вологды. В самом факте создания писательской организации в некогда провинциальном, заштатном городе мы усматриваем заботу Коммунистической партии и Советской власти о развитии духовной культуры народа.

С благодарностью отмечая это, мы в то же время понимаем, как много и хорошо надо нам потрудиться, чтобы оправдать эту заботу, это доверие.

ВОЛОГДА

Ал. ДЫМШИЦ

ДОБРЫЙ И ВЕСЕЛЫЙ ТАЛАНТ



С ГЕОРГИЕМ ГУЛИА дружат многие и многие читатели. Превосходный рассказчик! Лиричный, улыбочный, горячо преданный людям, этот писатель легко доходит до читательского сердца.

Кто не помнит его поэтичную «Весну в Сакене»? Кого не заинтересовал успешный «выход» весьма современного писателя на поля истории — его книга «Черные гости»? Кто не смеялся, весело и радостно, читая его остроумные, брызжущие юмором, пародийные «Устные рассказы моих друзей»? Хороший писатель, талант добрый в самом лучшем, ничуть не сентиментальном смысле этого слова.

Георгию Гулиа исполнилось пятьдесят лет. И словно к этой дате вышла его новая книга, изданная «Советским писателем», — «Пока возвращается Земля...». В ней — роман того же названия и четырнадцать рассказов на темы прошлого и современности.

Я не пишу рецензии на эту книгу. Мне хочется сказать о том, что и в ней я почувствовал писателя таким, каким знаю и люблю его. О романе «Пока возвращается Земля...» еще будут говорить читатели и критики — у них найдутся и слова одобрения, и замечания, и, возможно, какие-то советы. Может быть, герой романа — человек трудной судьбы и благородного сердца — мог бы выступить как характер более яркий и более активный. Но я хочу говорить не об этом, а про то, как Г. Гулиа относится к жизни, к людям, в том числе и к своему герою. Каждый скажет, что это отношение глубоко гуманистичное, очень нежное и в меру строгое. Писатель радуется нашей жизни, любит хорошие люди, он непримирим к пережиткам мещанства и индивидуализма, он знает, что советские люди — единомышленники и друзья, что мнительность и подозрительность ушли из наших отношений вместе с нравами, порожденными культом личности.

Одна из героинь романа произносит верные слова, в них идейный нерв всей вещи: «Человек должен добывать своего счастья, тщательно избегая ходоу по головам своих ближних. И даже дальних. ...Пока возвращается Земля, человек должен быть и будет счастлив!» Добрая мысль — гуманная, оптимистичная, бодрая.

И в рассказах Г. Гулиа, написанных легко, живо, я сказал бы — изящно, всегда живут хорошие, сердечные мысли. «Алоль! Алоль! Алоль!» — как поэтично рассказана здесь история запоздалого пробуждения прекрасных чувств, и автор словно говорит нам: человеку нужно ощущать тепло, видеть улыбку, слышать доброе слово. О любви к людям, о служении обществу сказано и в рассказе из давнего прошлого — «Перикл на смертном одре». Его герой, умирая, вспоминает о своих заслугах перед человечеством: «Я никогда... никогда, обладая большой властью, никому не завидовал, никого не считал своим непримиримым врагом и ни разу не дал волю гневу своему... Вы не отыщете в Афинах ни одного человека, кто бы по моей вине надел черный, траурный плащ...»

Г. Гулиа часто пишет об искусстве. Он хочет, чтобы искусство служило обществу, чтобы в нем жила живая, сильная, гулкая человеческая душа. С каким презрением к мертворожденному абстракционизму и бездушному натурализму написан рассказ «Тайны ваяния». А в «Балладе о первом живописце» достоинства Нуннама, изображавшего на стенах пещер образы человеческие, определяются так: «Ты изобразил живую душу на мертвом камне».

Георгий Гулиа вырос на Кавказе и пишет по-русски. У него очень крепкие, очень прочные традиции. С такими традициями можно славом поработать еще полвека.

Подписные
издания

ПРОЧТЕННЫЕ ЗАНОВО

Когда в архивах Государственного музея Л. Н. Толстого готовилось описание рукописного наследия писателя, научный сотрудник Э. Е. Зайденшурн решил заново прочитать все рукописи «Войны и мира» — этого, в сущности, единственного произведения Толстого, ни разу за девяносто лет не слеченного с автографом.

С первых же страниц обнаружилось огромное количество самых различных ошибок.

Вот один из примеров. Аустерлиц. Князь Андрей с трудом пробирался к Кутузову сивоз отступающих ряды русских: «Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самим не податься назад вместе с толпой. Болконский только старался не отставать от нее...» Но Толстой-то написал иначе: «Болконский только старался не отставать от Кутузова». От Кутузова, который оставался на поле сражения...

Более пяти тысяч рукописных листов сверила Э. Е. Зайденшурн. И вот труд многих лет окончен. В седьмом томе собрания сочинений Л. Н. Толстого, выходящего в Гослитиздате, вы прочтете последние главы романа «Война и мир». Новое издание издано более чем от тысячи разнообразных ошибок.

До сих пор произведения Р. Тагора, изданные в СССР на русском языке, не составляли и половины всего созданного им.

Новое 12-томное собрание сочинений писателя, выходящее сейчас в Гослитиздате, включает многие романы, рассказы и поэтические произведения Тагора, литературно-критические статьи, лекции по истории индийской культуры, публицистику, мемуары. Вошедшие в этот том некоторые стихотворные и драматические произведения публикуются у нас впервые.

Г. КОЛМАНОВА